

Цинь Цан слегка смущённо произнёс:

— На самом деле я учился ради тебя. Через несколько месяцев будет твой девятнадцатый день рождения, и я хотел произвести впечатление на празднике. Ты знаешь, моё происхождение не самое лучшее, среди твоих друзей многие смотрят на меня свысока. Вот я и решил научиться чему-то, чтобы блеснуть перед ними.

Вэнь Цзыцянь был тронут, но внешне не подал виду. Он спокойно ответил:

— Ты слишком много думаешь. Мои друзья не смотрят на тебя свысока. Они не смеют, учитывая твой вспыльчивый характер. Они скорее тебя побаиваются.

Прозвище «бешеная собака» уже стало известным. Молодые господа втихомолку говорили, что у Вэнь Цзыцяня есть пёс, который приходит по первому зову, кусает, куда укажут, и никогда не ошибается.

Цинь Цан слышал эти разговоры краем уха, но не придавал им значения. Другие, видя, что их попытки посеять раздор тщетны, со временем перестали сплетничать.

Они заказали еду, выпили коктейлей и вдоволь наговорились, наверстывая четыре месяца разлуки. Когда Вэнь Цзыцянь взглянул на часы, было уже восемь вечера.

— Мне пора возвращаться. Проводи меня.

— Конечно! — обрадовался Цинь Цан.

Он с радостью отвёз его домой. По дороге ещё говорил с улыбкой:

— Сегодня я не поеду обратно. Давно не спал с тобой в одной кровати. Останусь, и мы ещё немного поболтаем.

— Хм, — кивнул Вэнь Цзыцянь.

Он слез с мотоцикла, сделал пару шагов и, остановившись у ворот, обернулся к Цинь Цану:

— Парень, я искренне рад, что ты так вырос. Когда я уеду, то не буду изо дня в день переживать за тебя. Ты будешь жить хорошо.

Цинь Цан, до этого беззаботно улыбавшийся, словно поражённый, застыл. Улыбка ещё не успела сойти с его лица, но больше он улыбаться не мог. Мышцы дёрнулись, и на его лице застыла гримаса, между плачем и смехом.

— Что? Куда ты уезжаешь? — напряжённо спросил он.

— Я подал документы в университет S. После Нового года уезжаю.

Цинь Цан облегчённо вздохнул и рассмеялся:

— Ты меня напугал! Вау, ты скоро станешь студентом! А у меня даже аттестат об окончании средней школы ещё не на руках. Таких, как я, в моём возрасте сидящих в девятом классе, по всей стране — раз-два и обчёлся. Сидеть в классе среди мелких сопляков — это отдельное ощущение. Я не создан для учёбы. Я уже сказал приёмному отцу, что после школы займусь его делами. В будущем я тоже стану большим человеком в городе Б.

Вэнь Цзыцянь смотрел на него без радости и печали, бесстрастно произнося:

— Хорошо, что у тебя есть амбиции. Жаль, что мне не посветить в отражённом свете. Возможно, я больше не вернусь.

Лицо Цинь Цана мгновенно вытянулось. Он был полной противоположностью Вэнь Цзыцяню, который умел скрывать свои эмоции. Все чувства Цинь Цана всегда были написаны на его лице.

— Не вернёшься? — нахмурившись, громко переспросил он. — Почему не вернёшься?

Вэнь Цзыцянь, как в детстве, хотел погладить его по голове, но вдруг осознал, что парень уже вымахал. Он поднял руку и ладонью слегка потрепал его короткие, торчащие вверх волосы. Волосы были жёсткими и слегка кололи кожу.

— Парень, в этом мире нет вечных пиров. Встреча людей — это судьба, а расставание — неизбежность. Никто не может быть вместе с кем-то всегда. В будущем ты встретишь многих и многих людей и так же многих потеряешь. Но это не страшно. Расставание не означает конец. Я буду крепко-накрепко помнить тебя. Когда захочешь меня увидеть — всегда приходи.

Очевидно, Цинь Цан не принял эту откровенную отповедь. Он упрямо отвёл голову в сторону, и пальцы Вэнь Цзыцяня лишь повисли в воздухе, после чего тот убрал руку.

— Это твой дом! Ты отказываешься от своего дома? Ты понимаешь, как это важно? У меня нет дома, куда я могу вернуться, а ты сам отказываешься от своего! — Цинь Цан, теряя контроль над эмоциями, сжимая кулаки, выкрикнул.

Холодный ветер взметнул красный шарф. Юноша с чертами, будто сошедшими с картины, стоял с покрасневшим от мороза носом, бесстрастный, словно изваяние, тихо глядя на Цинь Цана. Время словно застыло. В воздухе витала печаль, которая в холоде превратилась в капли, повисшие на ресницах Цинь Цана, придав его разгневанному лицу оттенок обиды.

Вэнь Цзыцяню вдруг вспомнился Цинь Цан прежний, маленький и беспомощный, тот, что следовал за ним по пятам, во всём соглашаясь. Он протянул указательный палец правой руки и стёр каплю с ресниц Цинь Цана.

Было щекотно. Цинь Цан моргнул, недовольно надул щёки и отстранился.

Этот ребячий жест был его привычкой, и Вэнь Цзыцянь раньше подшучивал над ним:

— Выглядишь круто, а характер как у невыросшего ребёнка.

— Цинь Цан... — шарф на шее источал лёгкий аромат лимонного мыла. Он тихо вдохнул знакомый любимый запах. — Не то чтобы я не хочу вернуться... просто не смогу... Этот дом больше не примет меня... У меня, как и у тебя... никогда не было дома... Никогда...

Когда Цинь Мин вернулся с Мальдив, он обнаружил, что обычно гиперактивный Цинь Цан похож на захворавшего цыплёнка: голова поникла, взгляд отсутствующий.

— Ещё декабрь не наступил, а ты уже как подвяленный лист. Кто тебя обидел, расскажи приёмному отцу. — Цинь Мин отодвинул стул и сел напротив.

— Никто меня не обидел, — безжизненно пробормотал Цинь Цан.

Цинь Мин усмехнулся:

— Точно, ты и сам не дашь себе спокойно жить, кто бы посмел тебя обидеть? — Лицо господина Циня, похожего на Милэфо, выражало доброту и любовь, когда он смотрел на Цинь Цана. — Интересно, я только сейчас заметил: на каникулах ты не пошёл к Цзыцяню. Это впервые.

— Слишком холодно, не хочется шевелиться, — отмахнулся Цинь Цан.

Цинь Мин, казалось, видел его насквозь, и поддразнил:

— Думаю, вы поссорились. Иначе ты бы не сидел дома со мной, стариком, а уже сбежал бы. И как я вырастил такого неблагодарного?

Сердце Цинь Цана ёкнуло. Он поднял глаза на Цинь Мина, подумал и спросил:

— Приёмный отец, Вэнь Цзыцянь уезжает учиться за границу.

— А, знаю. Это же хорошо. Он с детства хорошо учился, не то что ты, который над книгой засыпает.

— Но... но он сказал, что не вернётся. Ты знаешь почему?

Цинь Мин, прихлёбывая чай из пурпурного чайничка, замер, услышав это. Он опустил чайник и не знал, как объяснить это ребёнку. Он открыл рот, но в конце концов лишь вздохнул:

— В чужие семейные дела лучше не совать нос.

О ситуации с Вэнь Цзыцянем ему рассказывал Вэнь Юаньхан. Статус старшего сына Вэнь Цзыцяня всегда был костью в горле для семьи Пань. Они оказывали давление: если не уберут Вэнь Цзыцяня, то продадут акции, выведут капитал и разорвут отношения.

Вэнь Юаньхан столько лет выдерживал давление и в конце концов сдался.

— Я не хочу, чтобы он уезжал, — нахмурился Цинь Цан. Последние дни он только об этом и думал, ночами не спал, глаза в кровяных прожилках. С того дня они с Вэнь Цзыцянем не общались. Никто не хотел первым нарушить это молчание, оба дулись.

Цинь Цан сидел, уставившись в экран телефона, день за днём, запершись дома в одиночестве и хандре. В конце концов, он и сам не знал, злится ли на уход Вэнь Цзыцяня или на свою собственную мелочность.

Он понимал. В этом мире нет вечных пиров, они вырастут и будут жить каждый своей жизнью. Возможно, их пути ещё пересекутся, а может, превратятся в неоприкасающиеся параллельные прямые. Кто знает.

Но понимать — одно, а принимать — совсем другое. Не знаю почему, но одна только мысль о том, что Вэнь Цзыцянь уедет, возможно, навсегда, заставляла его сердце будто попасть под миксер. Кровь в жилах кипела, рвало душу на части, и ему хотелось подраться, разбиться в кровь, лишь бы выпустить эту тоску.